

УДК 336.22+338.12

Регион: экономика и социология, 2022, № 2 (114), с. 3–32

М.Ю. Малкина

ДОХОДЫ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РАЗВОРОТ

Предметом исследования являются доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации. Цель исследования – анализ влияния пандемии на динамику доходов территориальных бюджетов и оценка вклада различных источников (налоговых, неналоговых доходов, безвозмездных поступлений и их составляющих) в их изменение.

На основе данных о скользящих годовых доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ и их составляющих со сдвигом в один месяц строятся линейные временные регрессии для 86 регионов за 2015 г. – март 2020 г. С их помощью прогнозируются непандемические доходы территориальных бюджетов в пандемический период (апрель 2020 г. – июнь 2021 г.). Декомпозиция отклонений фактических доходов от прогнозных значений позволяет определить вклад различных источников в изменение доходов территориальных бюджетов в период пандемии.

Наибольшую уязвимость к пандемии продемонстрировали субъекты Уральского федерального округа и ряда других нефтедобывающих регионов. При этом отмечают аномально высокие приросты доходов в ряде регионов Дальневосточного федерального округа. Налоговые поступления оказали наибольшее отрицательное влияние на приросты территориальных доходов, причем львиную долю потерь обеспечил налог на прибыль, меньшие потери связаны с налогом на имущество организаций и с поступлениями от налоговых спецрежимов. НДСЛ частично компенсировал эти потери. Изменение налогов на товары и услуги оказалось крайне неравномерным. Неналоговые доходы бюджетов вели себя схожим образом с налоговыми доходами, наибольшие потери получены от

использования государственного имущества и от продажи активов. Межбюджетные трансферты играли компенсирующую роль, возмещая и выпадающие собственные доходы, и растущие расходы регионов. В их распределении просматриваются мотивы как смягчения последствий пандемии, так и регулирования межрегиональных различий, а также политические предпочтения. Большую долю дополнительных трансфертов получили субъекты Северо-Кавказского федерального округа и некоторые другие отстающие регионы. В структуре трансфертов отмечается существенное увеличение доли субсидий и иных межбюджетных трансфертов, что отражает активное участие государства в реализации национальных проектов и создании общественных благ. Уменьшение доли дотаций на выравнивание означает сокращение нецелевой помощи, выделяемой на основе единых правил. Это свидетельствует об усилении дирижистской функции российского государства в экономике.

Полученные результаты применимы для управления бюджетными доходами российских регионов, а также межбюджетными отношениями в периоды кризисов.

Ключевые слова: российские регионы; доходы территориальных бюджетов; пандемия; налоговые доходы; неналоговые доходы; межбюджетные трансферты; моделирование

Для цитирования: Малкина М.Ю. Доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии: пространственный разворот // Регион: экономика и социология. – 2022. – № 2 (114). – С. 3–32. DOI: 10.15372/REG20220201.

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия и связанные с ней ограничительные меры (введение локдауна, закрытие отдельных учреждений, перевод на дистанционную работу) привели к сокращению деловой активности предприятий, к снижению доходов населения, что также повлияло на объем и структуру совокупного спроса. Поскольку пандемия в разной степени задела товарные рынки, отраслевая структура стала одним из важных факторов устойчивости региональных экономик в этот период, что выразилось в разном изменении собственных (налоговых

и неналоговых) доходов территориальных бюджетов. Меры фискальной поддержки предприятий также способствовали сокращению налоговых поступлений и выполняли скорее компенсирующую, нежели стимулирующую, функцию.

Снижение собственных доходов регионов сопровождалось ростом расходов на социальную сферу и здравоохранение, а также на реализацию государственных инвестиционных и инфраструктурных проектов. Увеличивающийся дисбаланс между собственными доходами и расходами территориальных бюджетов в значительной степени компенсировался приростом безвозмездной помощи от федерального центра. Однако увеличение бюджетных потоков сопровождалось их существенным территориальным перераспределением в масштабах российского экономического пространства и вызывало эффекты краткосрочного и долгосрочного характера в бюджетной сфере регионов. Эти разнонаправленные тенденции во многом определяли динамику доходов территориальных бюджетов.

Целью настоящей статьи являются оценка и анализ динамики доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в период пандемии (апрель 2020 г. – июнь 2021 г.) и вклада в них различных источников (налоговых, неналоговых доходов, безвозмездных поступлений), а также объяснение структурных сдвигов в бюджетной сфере регионов изменениями в институтах фискальной политики государства.

ФИСКАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ПАНДЕМИИ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Фискальным и связанным с ними эффектам пандемии 2020–2021 гг. посвящен ряд отечественных и зарубежных исследований. Прежде всего необходимо отметить работы, в которых изучались макроэкономические, отраслевые, региональные факторы пандемии с точки зрения ее влияния на спрос, предложение, доходы [12–14]. В некоторых работах исследовалось влияние пандемии на изменение налоговых поступлений и доходы бюджетной системы в различных странах [11; 17].

Ученые, анализировавшие фискальные последствия пандемии в России, также обращали внимание на изменения в структуре производства и потребления во время кризиса, связанные с ограниченной мобильностью и снижением деловой активности, временными трансформациями спроса и стимулирующими эффектами фискальной и монетарной политики [1; 9; 16]. Они отмечали, что влияние пандемии на экономику российских регионов зависело от их общей устойчивости к воздействию дестабилизирующих факторов [5; 8]. В России пандемия нанесла наибольший ущерб нефтегазодобывающим регионам, регионам, специализирующимся на автомобильной промышленности, и мегаполисам с большой долей сферы услуг в отраслевой структуре экономики [2], что приводило к существенным потерям в них собственных налоговых и неналоговых доходов.

Значительные потери территориальных бюджетов в России во время пандемии были обусловлены существенным сокращением поступлений по налогу на прибыль. Неравномерное распределение этого налога между регионами вследствие разной отраслевой структуры региональных экономик, разного финансового состояния отраслей (наибольшая доля налога на прибыль характерна для добывающих регионов) [3], разной доли консолидированных налогоплательщиков в регионах [6] также объясняет значительные пространственные эффекты пандемии.

Особое место в исследованиях занимает проблема влияния в условиях пандемии фискальных шоков и фискальных стимулов, связанных с резким изменением правил экономической политики. Так, в работе Ю.К. Зайцева [1] обобщены монетарные и фискальные меры российского государства в первые месяцы пандемии. К числу фискальных мер относились налоговые льготы, освобождения и отсрочки для ряда отраслей и сфер деятельности, снижение отчислений в страховые фонды, субсидии и государственные гарантии по займам для системообразующих предприятий и проч. Предпринятые стимулирующие меры, направленные на поддержку спроса и предложения, в то же время играли роль внутренних шоков для бюджетной системы.

В условиях падения собственных налоговых и неналоговых доходов регионов немаловажную роль в их поддержке сыграло сущест-

венное увеличение федеральных трансфертов. Межбюджетные трансферты из федерального бюджета выделялись регионам в основном для покрытия растущих расходов, главным образом по статьям здравоохранения и социальной помощи. Поэтому вне связи с расходами их увеличение создает лишь иллюзию растущего богатства регионов. Кроме бюджетных расходов на социальную сферу и здравоохранение, в период пандемии значительно выросли расходы на национальную экономику, однако их пространственное распределение было крайне неравномерным [4]. В целом, дефицит бюджета у большинства регионов увеличился, так как предоставляемой помощи не хватало для покрытия растущих расходов [15].

Важную роль в борьбе с фискальными последствиями коронакризиса сыграла реализация национальных проектов, на которые в период пандемии приходилась треть межбюджетной помощи: в форме субвенций, субсидий и иных межбюджетных трансфертов [7]. Наибольший объем помощи регионы получили по линии проектов «Демография» и «Здравоохранение». При этом большая вовлеченность в национальные проекты и большее среднедушевое финансирование республик Северного Кавказа и других малообеспеченных республик свидетельствуют об определенной политике центра [7]. В целом поддержка со стороны центра оказалась весьма селективной и не всегда отражала реальные потребности регионов [3]. Очевидно, кроме первичных эффектов она вызывала и вторичные эффекты в виде роста заработной платы и налоговых отчислений в государственном секторе соответствующих субъектов РФ.

В этот период происходит и существенная трансформация межбюджетных отношений, меняется система взаимоотношений центра и регионов. Так, демонстрируя увеличение во время пандемии доли целевой помощи, рост зависимости регионов от федерального центра и снижение возможностей их маневра в распоряжении средствами территориальных бюджетов, Н.В. Зубаревич делает вывод о все большем отказе от принципов бюджетного федерализма в этот период [3]. К аналогичным заключениям приходит Л.Н. Лыкова [6]. А.О. Юшков и М.В. Алексеев в своем исследовании [10] демонстрируют две тенденции. С одной стороны, трансферты, выделяемые в период панде-

мии, были связаны с финансовым положением и эпидемиологической ситуацией в регионах. С другой стороны, непрозрачность и непредсказуемость федеральной помощи во время кризиса только усилились.

Настоящая работа расширяет и уточняет результаты представленных выше исследований по ряду аспектов. Прежде всего мы строим эконометрическую модель, позволяющую спрогнозировать доходы территориальных бюджетов в пандемический период при условии отсутствия пандемии. Далее мы рассчитываем отклонения фактических доходов от прогнозных значений и проводим их декомпозицию по источникам. Такой подход позволяет получить полную картину по всем регионам и федеральным округам и сделать более деликатные выводы относительно фискальных эффектов пандемии для доходов субфедеральных бюджетов.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на ежемесячных данных Федерального казначейства Российской Федерации о доходах консолидированных бюджетов (без учета территориальных внебюджетных фондов) 86 субъектов РФ, включая г. Байконур¹, за период с декабря 2015 г. по июнь 2021 г. Общие доходы разбиты, согласно бюджетной классификации, на налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные поступления и их составляющие. Заметим также, что распределение регионов по федеральным округам принято на конец 2015 г., так что Забайкальский край во все периоды отнесен к Сибирскому федеральному округу. В противном случае данные по округам оказались бы несопоставимыми во времени.

¹ Комплекс Байконур, объединяющий город и аэродром, на период аренды Россией у Казахстана (1995–2050 гг.) получил статус города федерального значения РФ в составе Московской области и Центрального федерального округа. Его бюджет учитывается Федеральным казначейством РФ отдельно. Налоги, взимаемые на территории г. Байконур, полностью поступают в городской бюджет, а не распределяются между уровнями бюджетной системы. Кроме того, город получает трансферты из федерального бюджета.

Сначала для каждого региона в каждом непандемическом месяце рассчитывается прирост бюджетных поступлений. Поскольку на бюджетные доходы оказывают влияние сезонность, сроки уплаты налогов, особенности выделения трансфертов и проч., месячные данные трудно поддаются моделированию. Например, это возможно путем построения моделей ARiMA (авторегрессий со скользящей средней)². В настоящем исследовании мы используем подход, ранее предложенный в другой нашей работе³. Суть этого подхода заключается в расчете скользящих годовых доходов бюджетов со сдвигом в один месяц. Таким образом, каждое значение полученных временных рядов показывает общий доход за 12 смежных месяцев.

На основе временных рядов скользящих годовых бюджетных доходов (BR) за декабрь 2015 г. – март 2020 г. ($t = 1,52$) для каждого региона строятся линейные регрессии, оцениваемые обычным методом наименьших квадратов:

$$BR_t = \underbrace{\alpha_0 + \alpha_1 t}_{\hat{BR}_t} + e_t, \quad (1)$$

где α_0 и α_1 – оценки коэффициентов регрессии; $\hat{BR}_t$ – оценки бюджетных доходов; e_t – остатки регрессии.

Выбор линейных регрессий объясняется таким их важным свойством, как аддитивность (сводимость путем суммирования). Кроме того, они хорошо описывают тренды для наших рядов, хотя и не учитывают долгосрочные циклические колебания.

Аналогичным образом строятся регрессии для каждой k -й статьи бюджетных доходов, участвующей в анализе:

$$BR_{kt} = \underbrace{\alpha_{k0} + \alpha_{k1} t}_{\hat{BR}_{kt}} + e_{kt}. \quad (2)$$

² См.: Malkina M.Yu. How the 2020 pandemic affected tax revenues in Russian regions? // *Equilibrium: Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. – 2021. – Vol. 16 (2). – P. 239–260.

³ См.: Malkina M.Yu. Impact of the 2020 pandemic on revenue from various taxes in the Russian regions // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2021. – Vol. 14 (7). – P. 987–997.

Поскольку $BR_t = \sum_{k=1}^K BR_{kt}$, также выполняется следующее:
 $\hat{BR}_t = \sum_{k=1}^K \hat{BR}_{kt}; e_t = \sum_{k=1}^K e_{kt}; 0 \leq e_{k0} \leq 1$. Иными словами, сложение регрессий для всех бюджетных статей точно дает регрессию для совокупных бюджетных доходов, что позволяет на их основе проводить полную декомпозицию доходов по источникам.

С помощью полученных регрессий рассчитываются непандемические прогнозные значения годовых бюджетных доходов для каждого месяца пандемического периода – с апреля 2020 г. по июнь 2021 г. (т. 53,67).

Влияние пандемии на бюджетные доходы и их составляющие в каждом регионе за 15 периодов определяется на основе отклонений фактических доходов (BR_t и BR_{kt}) от их прогнозных значений ($\hat{BR}_t$ и $\hat{BR}_{kt}$). Соответственно, вклад каждой k -й статьи доходов в общие потери (выигрыши) бюджетных доходов регионов в условиях пандемии определяется по формуле

$$BR\%(k)_t = \frac{BR_{kt} - \hat{BR}_{kt}}{\hat{BR}_t}. \quad (3)$$

Разработанная методика позволила определить степень уязвимости бюджетной сферы регионов к пандемическому шоку, оценить масштабы и структуру их бюджетных потерь (выигрышей) в период пандемии.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ АНАЛИЗ

Влияние пандемии на доходы территориальных бюджетов.
 Представим результаты, полученные на основе применения нашей методики.

На рисунке 1 показаны фактические и прогнозные значения доходов территориальных бюджетов и трех их основных составляющих в целом для Российской Федерации. Этот рисунок наглядно демонстрирует значительное (сверх обычного для условий кризиса) паде-

Доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии:
пространственный разворот

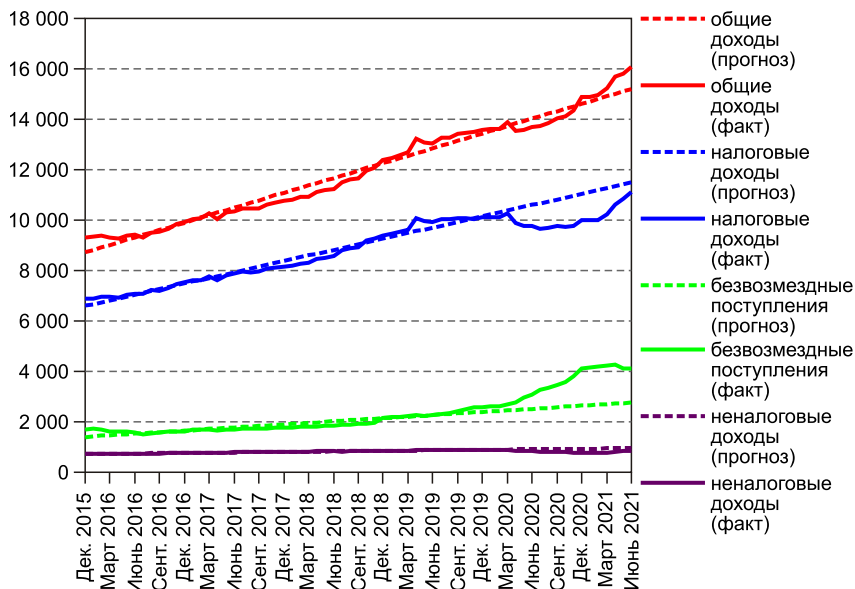

Рис. 1. Фактические и прогнозные значения доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в допандемического и пандемического периоды, млрд руб.

ние налоговых поступлений во время пандемии, проявившееся уже в марте 2020 г. Мы объясняем это как снижением объемов производства, так и замедленным ростом цен отечественного производства в первые месяцы пандемии⁴. Инфляция отреагировала на пандемию с некоторым опозданием. Кроме того, с мая 2020 г. происходило восстановление цен на нефть, а также наблюдался резкий рост цен на цветные металлы. Инфляционная составляющая и восстановление производства в 2021 г. способствовали росту доходов и налоговых поступлений в бюджет. Между тем на уменьшение налоговых поступлений влияли налоговые льготы и освобождения, введенные фе-

⁴ Действительно, индекс физического объема ВВП в 2020 г. составил 97,0% (по сравнению с 102,0% в 2019 г.), а индекс-дефлятор ВВП – 100,9% против 103,1% в 2019 г. (URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>).

деральными и региональными властями. Некоторое восстановление налоговых поступлений начинается с марта 2021 г. Однако и к середине 2021 г. налоговые поступления не достигли допандемического тренда.

В то же время можно видеть значительный прирост безвозмездных поступлений, особенно проявившийся начиная с мая 2020 г. и достигший вершины в апреле 2021 г., после чего слабо проявилась обратная тенденция. При этом наблюдается значительное превышение безвозмездных поступлений над линией тренда вплоть до конца рассматриваемого периода (июнь 2021 г.). Что касается неналоговых поступлений, очевидна их U-образная динамика с июня 2020 г. по июнь 2021 г. Наконец, рис. 1 показывает, что общие доходы бюджета превысили прогнозные значения уже в декабре 2020 г. и далее продемонстрировали существенный взлет, что объясняется как сохранившимся высоким уровнем безвозмездных поступлений, так и частичным восстановлением налоговых и неналоговых доходов.

На рисунке 2 на карте регионов России показано изменение консолидированных доходов бюджетов субъектов РФ в 2020 г. по сравнению с непандемическим прогнозом 2020 г. (согласно нашей методике). Влияние пандемии на бюджетную сферу российских регионов оказалось весьма различным. Так, разброс отклонения фактических доходов от непандемических прогнозов составил от $-30,5\%$ в Тюменской области и $-24,7\%$ в Ямало-Ненецком АО до $+48,0\%$ в Республике Ингушетии и $+52,6\%$ в Еврейской автономной области. При этом наибольшее падение доходов произошло в регионах нефтедобычи (например, в Ненецком АО оно составило $13,0\%$), а также в Кемеровской и Калининградской областях, которые недосчитались $13,5$ и $13,1\%$ бюджетных доходов соответственно.

Наибольший рост доходов произошел в некоторых слаборазвитых республиках юга России (прирост выше 30% наблюдался в Чечне, Кабардино-Балкарии и Тыве, больше 20% – в Дагестане, Бурятии, Адыгее, Калмыкии, Северной Осетии – Алании), а также в ряде регионов Дальневосточного федерального округа (прирост выше 20% отмечался в Амурской области). Также более чем на 20% увеличи-

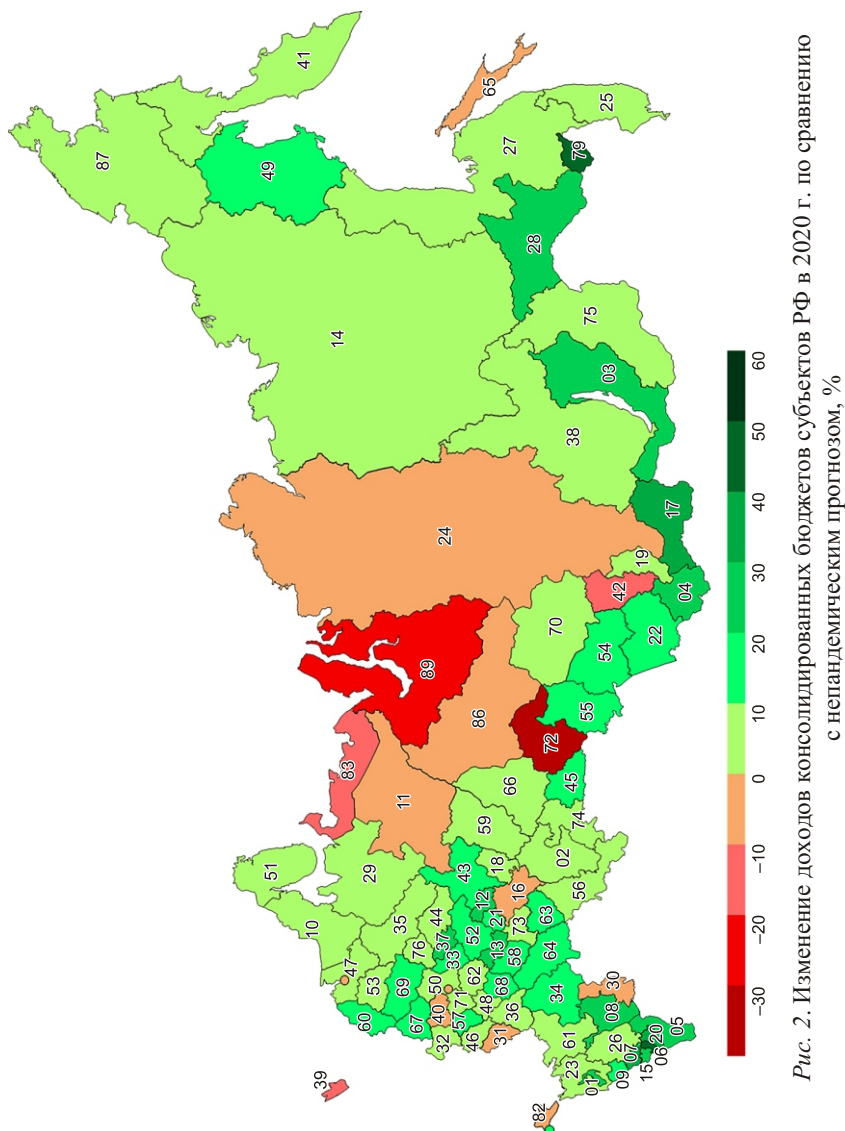

Рис. 2. Изменение доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2020 г. по сравнению с непадедмическим прогнозом, %

Примечание: субъекты РФ обозначены согласно их административным кодам

чились бюджетные доходы слаборазвитой Ивановской области, республик Марий Эл и Мордовии.

В целом, положительный прирост доходов на конец 2020 г. наблюдался в 65 из 86 субъектов РФ. В подавляющем большинстве регионов (29 из 86) превышение фактических доходов над прогнозными оказалось в пределах 10%, еще в 19 регионах оно составило 10–20%. Заметим, что к середине 2021 г. положение дел в регионах улучшилось и уже 71 субъект закончил финансовое полугодие с превышением доходами непандемического тренда.

В период пандемии ситуация в субъектах РФ менялась разнонаправленно. Как показывает рис. 3, она стремительно ухудшалась в Уральском федеральном округе, правда, с апреля 2021 г., когда потери бюджета в годовом исчислении достигли максимума (–13,4%), отмечается некоторое улучшение. В течение всего рассматриваемого периода наблюдалось существенное улучшение положения дел в Северо-Кавказском федеральном округе, у которого все месяцы имел место прирост доходов выше прогнозных значений и ситуация в бюд-

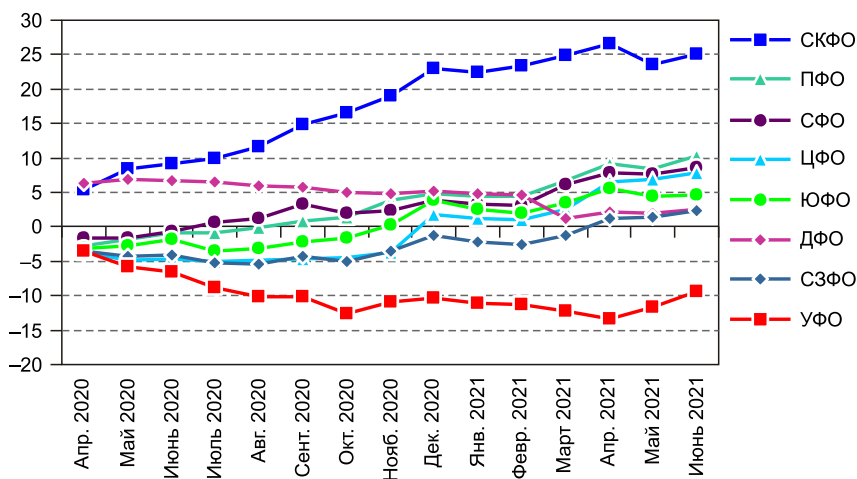

Рис. 3. Динамика потерь (–) / выигрышей (+) доходной части консолидированных территориальных бюджетов федеральных округов (в годовом исчислении), %

жетной сфере только улучшалась. В Дальневосточном федеральном округе также в течение всего рассматриваемого периода доходы в среднем превышали прогнозные значения, хотя это превышение не было большим и со временем уменьшалось. Остальные федеральные округа преодолели отрицательную отметку в разное время, например Сибирский – уже в июле 2020 г., а Северо-Западный – только в апреле 2021 г.

Столь разительные различия в реакции бюджетной сферы регионов на пандемию частично могут быть объяснены разной отраслевой структурой экономики. Вероятно, за всей этой динамикой стоят и серьезные изменения в фискальных институтах. Для понимания их влияния обратимся к результатам декомпозиции приростов бюджетных доходов по источникам. Рисунок 4 показывает структуру вы-

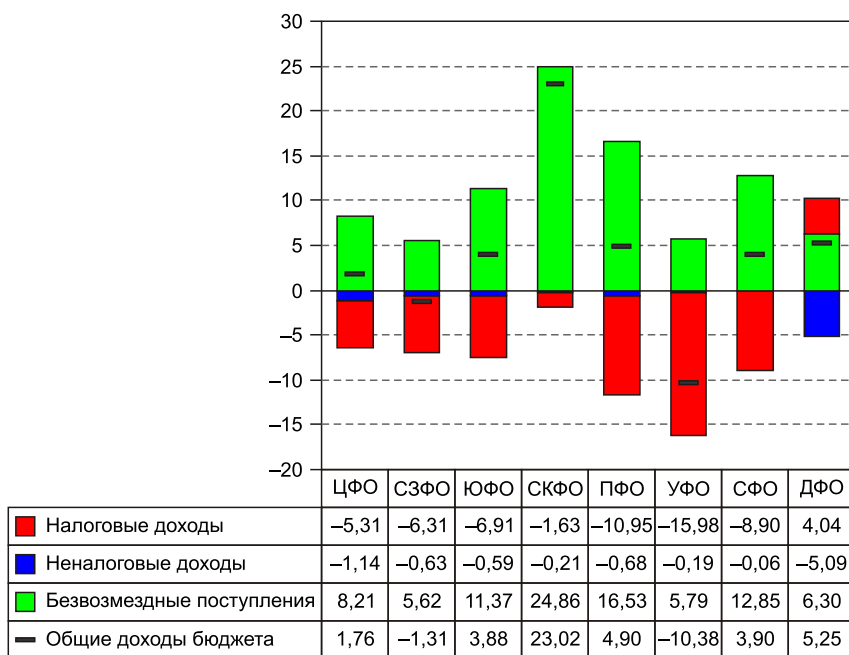

Рис. 4. Декомпозиция выигрышей (+) / потерь (–) доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2020 г. по сравнению с непандемическим прогнозом, %

игрышей (потерь) бюджетных систем регионов в 2020 г., сгруппированных по федеральным округам.

Изменение собственных доходов территориальных бюджетов и его декомпозиция. Сначала рассмотрим влияние пандемии на собственные (налоговые и неналоговые) доходы территориальных бюджетов. Из рисунка 4 следует, что практически во всех федеральных округах, кроме Дальневосточного, наблюдалось существенное падение налоговых доходов в первый год пандемии. Причем наибольшее падение было характерно для субъектов Уральского федерального округа (прежде всего для Тюменской области и Ямало-Ненецкого АО). Также существенный спад налоговых поступлений отмечался в Приволжском (особенно в республиках Татарстан и Башкортостан, Пермском крае) и Сибирском (здесь выделяются Кемеровская и Иркутская области, Республика Хакасия) федеральных округах.

На рисунке 5 представлена декомпозиция вклада налоговых поступлений в изменение доходов территориальных бюджетов по различным налогам. Наибольший вклад в сокращение налоговых поступлений в стране в 2020 г. внес налог на прибыль. Существенное падение этого налога может быть объяснено значительным снижением деловой активности предприятий в условиях пандемии при замедлении роста цен или даже их падении в отдельных отраслях. Среди лидеров по уменьшению поступлений налога на прибыль мы находим те же регионы, что при анализе общих налоговых поступлений. Это означает, что именно динамика налога на прибыль во многом определяла изменение собственных налоговых доходов регионов во время пандемии.

Хуже всего ситуация с налогом на прибыль обстояла в Уральском федеральном округе, где к апрелю 2021 г. этот налог обеспечивал уже 16,7% потерь бюджетной системы округа в годовом исчислении (при общих потерях бюджета в размере 13,4%). К июню 2021 г. ситуация в УФО несколько улучшилась, но все равно оставалась крайне напряженной. Среди субъектов округа особо отметим Ханты-Мансийский АО, где ситуация с налогом на прибыль со временем только ухудшалась и к середине 2021 г. этот налог уже объяснял 14,5% из 16,6% потерь бюджетной системы региона. Большие потери налога на при-

Доходы бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии:
пространственный разворот

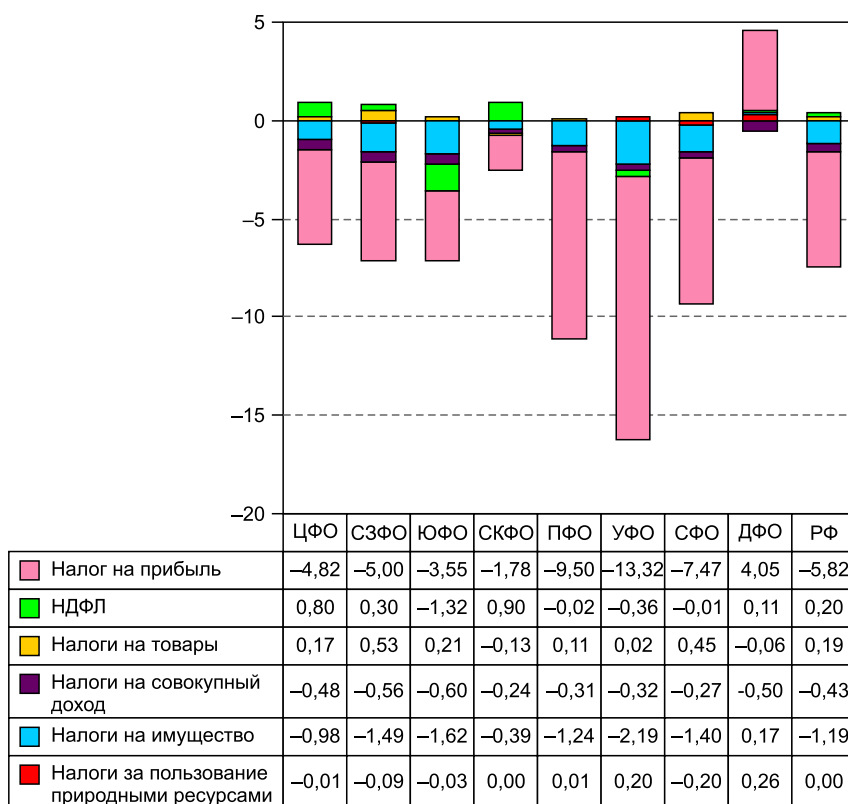

Рис. 5. Вклад различных налогов в изменение бюджетных доходов субъектов РФ в 2020 г. по сравнению с непандемическим прогнозом, %

быль наблюдались и в других добывающих регионах: в Республике Коми, Астраханской и Оренбургской областях.

Единственным федеральным округом, где отмечается прирост налога на прибыль, был Дальневосточный ФО. Такой результат достигнут главным образом за счет существенного роста налога в Сахалинской области (где его вклад в прирост доходов бюджета составил 20,9%) и в Чукотском АО (+18,9%). Однако к середине 2021 г. преимущество уже было частично утрачено, и в целом по округу налог на прибыль объяснял лишь 2,1% дополнительных доходов территории-

альных бюджетов. Также заметим, что ни в одном из федеральных округов, кроме ДФО, изменение налога на прибыль к середине 2021 г. не вышло на положительную отметку, но число субъектов РФ с положительным приростом налога относительно непандемического прогноза за полгода выросло с 11 до 27.

Налог на доходы физических лиц еще в конце 2020 г. показал слабый рост по стране, хотя в четырех из девяти округов он не достиг значений непандемического прогноза. Однако к середине 2021 г. вклад НДФЛ в прирост доходов территориальных бюджетов в целом по стране увеличился с 0,2 до 1,3%, и единственным округом с потерями этого налога оставался Южный федеральный округ. К июню 2021 г. только в 16 регионах вклад НДФЛ в изменение доходов бюджетной системы был отрицательным, хотя и незначительным по размеру (исключение составляют Хакасия, Краснодарский край и Кемеровская область, где отрицательное влияние этого налога было более заметным).

Наибольший прирост НДФЛ наблюдался в Центральном и Северо-Кавказском федеральных округах, где к середине 2021 г. налог обеспечивал соответственно 2,6 и 2,0% дополнительных бюджетных поступлений. Среди лидеров по приросту НДФЛ отметим г. Москву (где его вклад на июнь 2021 г. составил 4,2% из 5,5% дополнительного прироста бюджетных доходов), Московскую область (с вкладом налога в размере 3,3%), Тамбовскую область (4,3%), а также Республику Дагестан (5,4%). Причем в девяти субъектах РФ все 15 месяцев пандемии отмечался положительный прирост НДФЛ. Положительный вклад НДФЛ в прирост доходов подавляющего числа регионов (уже с декабря 2020 г. таких регионов больше половины) можно объяснить увеличением заработной платы в бюджетном секторе вследствие его государственной поддержки в период пандемии.

Очень разным в регионах оказалось положение дел с налогами на товары и услуги, поступающими в территориальные бюджеты (куда входят акцизы и небольшая часть НДС, отнесенная в бюджет г. Байконура). Во-первых, разнонаправленна динамика вклада этой группы налогов, хотя для большего числа субъектов РФ она все же позитивная. К июню 2021 г. практически во всех федеральных округах

(кроме СКФО) достигнут положительный прирост поступлений налогов на товары и услуги. Во-вторых, отсутствует какая-либо пространственная закономерность распределения приростов поступлений от этой группы налогов. Динамика товарных налогов связана как с повышением акцизов на топливо, увеличением нормативов отчисления некоторых акцизов в территориальные бюджеты, так и с потребительским ажиотажем в отдельные месяцы пандемии.

Налоги на совокупный доход, в отличие от товарных налогов, демонстрируют очень схожую динамику по регионам. Если учесть, что они охватывают спецрежимы для малого бизнеса, неудивительно, что к концу 2020 г. во всех федеральных округах и подавляющем числе субъектов РФ (исключение составляют девять регионов) налоги на совокупный доход показали отрицательную динамику. Для большинства российских регионов выход в зеленую зону поступлений по данной группе состоялся только в апреле 2021 г. А к июню 2021 г. уже 70 регионов получили дополнительные (хотя и небольшие) приросты дохода от этих налогов.

Отдельно следует отметить падение поступлений от налогов на имущество, в котором основная роль принадлежала налогу на имущество организаций. По итогам 2020 г. потери этого налога имели место во всех федеральных округах, кроме ДФО, который достиг положительной отметки уже в июле 2020 г. При этом даже в середине 2021 г. в 69 из 86 регионов налог на имущество организаций приносил меньше доходов, чем прогнозировалось. Потери от налога объясняются введением льгот и освобождений по нему для ряда отраслей, признанных наиболее пострадавшими от пандемии.

Наконец, вклад налогов за пользование природными ресурсами в прирост бюджетных доходов регионов и федеральных округов оказался несущественным. Исключение составляют Амурская и Магаданская области, а также Чукотский АО, где их прирост в течение всей пандемии был положительным и обеспечил соответственно 2,7; 5,4 и 3,7% прироста бюджетных доходов к концу первого полугодия 2021 г. В то же время следует отметить Астраханскую, Кемеровскую и Сахалинскую области, где наблюдалось существенное снижение налогов на пользование природными ресурсами.

Анализ изменения неналоговых доходов демонстрирует схожую с налоговыми доходами отрицательную динамику во всех округах, но к середине 2021 г. она сменяется на слабую положительную динамику в СКФО и СФО. Наихудшее положение дел с этой частью поступлений в территориальные бюджеты обстоит в ДФО, где к июню 2021 г. они обеспечивали 5,2% бюджетных потерь. Самая выразительная отрицательная динамика неналоговых доходов характерна для Сахалинской области (14,3% бюджетных потерь даже на середину 2021 г.), Республики Саха (Якутия) (–10,4%) и Ненецкого АО (–21,1%). Причем в Якутии основной вклад в спад бюджетных поступлений внесли доходы от использования государственного имущества, а в Сахалинской области и Ненецком АО – доходы от продажи материальных и нематериальных активов.

Прирост безвозмездных поступлений в территориальные бюджеты и его декомпозиция. В условиях значительного сокращения собственных доходов и роста дефицита территориальных бюджетов основную компенсирующую функцию стали выполнять межбюджетные трансферты федерального центра регионам, о чем свидетельствует рис. 6. Объем безвозмездной помощи регионам только в 2020 г.

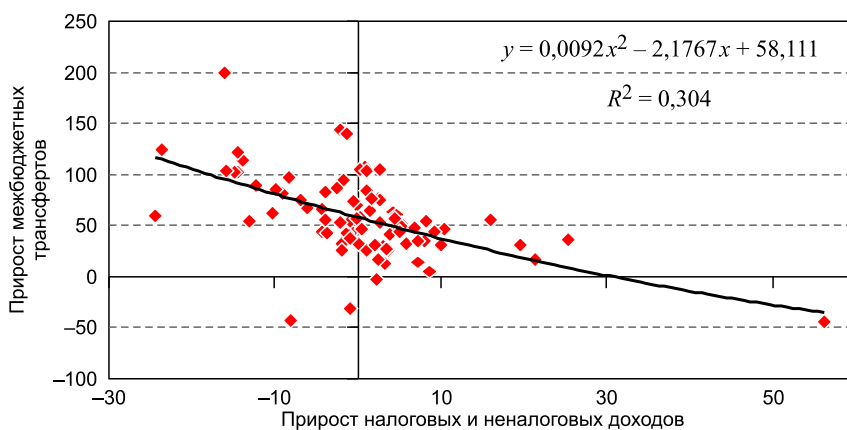

Рис. 6. Связь изменения собственных доходов и межбюджетной помощи субъектов РФ (2020 г. к уровню 2019 г.), %

вырос по сравнению с 2019 г. на 59%, в том числе межбюджетных трансфертов – на 53,9%.

Наибольший выигрыш от помощи федерального центра в 2020 г. получил Северо-Кавказский федеральный округ (см. рис. 4), поддержка которого явно не соответствовала ухудшению его состояния. В то же время оказавшийся наиболее уязвимым к пандемии Уральский федеральный округ получил едва ли не самую меньшую помощь. К середине 2021 г. ситуация изменилась незначительно: безвозмездные поступления обеспечивали от 4,6% прироста доходов территориальных бюджетов в СЗФО и ДФО до 23,8% – в СКФО. Также большая поддержка сохранилась в ПФО (+15,4% дополнительных доходов) и ниже среднего – в УФО (+5,2%).

Что касается конкретных бенефициаров федеральной помощи, наибольшую выгоду извлекли республики Дагестан (где вклад безвозмездных поступлений в прирост бюджетных доходов сверх прогнозируемых к концу исследуемого периода составил 53,6%), Чечня (+36,7%), Кабардино-Балкария (+33,7%), Тыва (+33,2%), Марий Эл (+32,3%), а также Еврейская автономная область (+49,7%). При этом уменьшилась поддержка Чукотского АО (вклад трансфертов в изменение бюджетных доходов по сравнению с прогнозом составил –23,3% на июнь 2021 г.), Сахалинской области (–9,2%), Калининградской области (–16,5%), г. Байконура (–15,9%) и Республики Крым (–6,3%).

Распределение трансфертов в условиях пандемии создает ощущение применения аврального подхода, отсутствия единых правил, выделения помощи тем, кто попросит и обоснует ее необходимость. Отсюда ряд парадоксальных и труднообъяснимых последствий, когда, например, в Сахалинской области с большими потерями собственных доходов (–8,5% на конец первого полугодия 2021 г. в годовом исчислении относительно непандемического прогноза) прирост трансфертов оказался отрицательным (их вклад в изменение бюджетных доходов, посчитанный по нашей методике, составил –9,1%). И в то же время другой субъект ДФО – Амурская область с большим приростом собственных доходов (обеспечивших 10,9% дополнительных бюджетных поступлений к июню 2021 г.) получает значительный объем

помощи (результатом чего является общий прирост доходов в размере 22,5%). При этом следует отметить, что оценка вторичных эффектов трансфертов в виде увеличения налоговых поступлений от финансируемых сфер деятельности требует отдельного изучения с использованием более деликатных методов.

Самостоятельный интерес представляет структура безвозмездной помощи в условиях пандемии. Как свидетельствует рис. 7, большую часть дополнительной помощи составили субсидии, которые обычно выделяются на условиях софинансирования инвестиционных проектов. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе они обеспечили

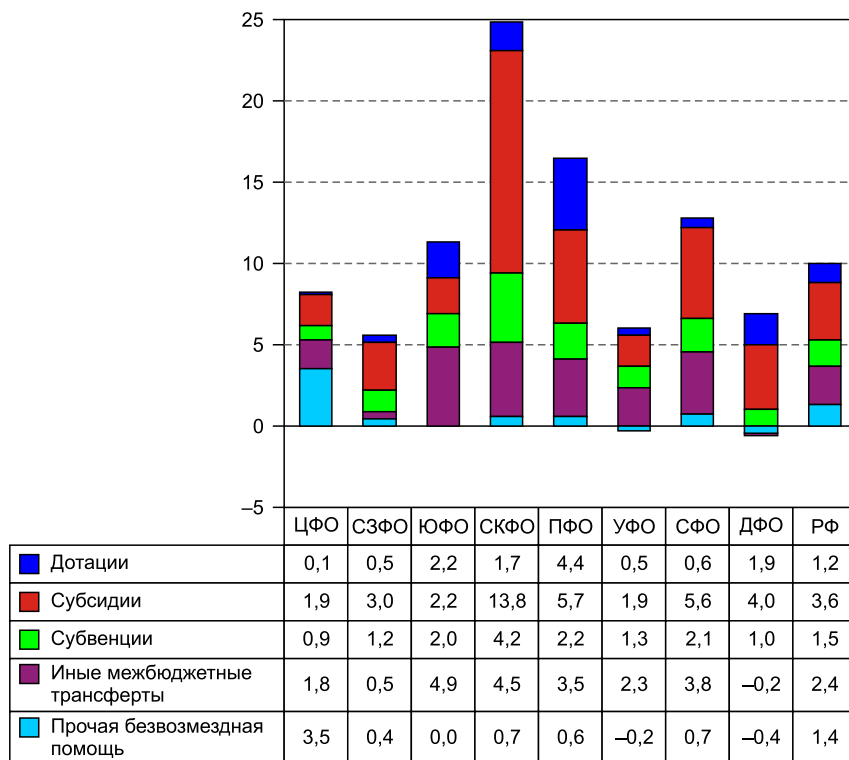

Рис. 7. Вклад безвозмездной помощи в изменение бюджетных доходов субъектов РФ в 2020 г. по сравнению с непандемическим прогнозом, %

13,8% сверхдоходов бюджета к концу 2020 г. и 17,7% – к концу I полугодия 2021 г., а их доля в структуре безвозмездных поступлений составила 55,5 и 74,3% соответственно. Значительные субсидии также получили Приволжский и Сибирский федеральные округа. А в Дальневосточном федеральном округе вклад субсидий в прирост бюджетных поступлений к концу периода превзошел суммарный отрицательный вклад всех остальных трансфертов.

Среди основных бенефициаров субсидий (определяемых не по их абсолютному объему, а по относительному вкладу в бюджетные доходы региона) следует назвать республики Ингушетию (где их вклад к середине 2021 г. составил +43,2%), Чечню (+26,9%), Кабардино-Балкарию (+22,0%) и Марий Эл (+20,0%). При этом отмечается существенное сокращение данной помощи в Республике Крым (с вкладом в прирост бюджетных доходов –20,9%). В целом, обнаруженная тенденция свидетельствует об инициировании государством активной инвестиционной деятельности регионов в условиях пандемии.

Что касается других видов помощи, их вклад в прирост доходов территориальных бюджетов оказался менее существенным, кроме так называемых «иных межбюджетных трансфертов», которые обеспечили значительный прирост доходов в Южном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. Согласно Бюджетному кодексу РФ, эти трансферты выделяются на условиях софинансирования (в том числе полного!) при выполнении обязательств, не урегулированных законодательствами Российской Федерации и субъектов РФ, а также при ассигнованиях из резервных фондов Президента РФ и Правительства РФ. Из данного определения следует, что это наименее формализованный и наиболее гибкий (подвижный) вид помощи, предполагающий так называемое «ручное управление».

Далее следует отметить небольшой прирост субвенций, ассигнования которых связаны с выполнением социальных обязательств, вытекающих из постановлений и распоряжений Правительства РФ и Президента РФ, и которые носят целевой характер. Распределение субвенций осуществляется по методикам, утвержденным Правительством РФ. При этом их предоставление в меньшей степени привязано

к уровню доходов регионов, что способствует большему росту благосостояния менее обеспеченных регионов и сокращению межрегиональных различий. Действительно, в период пандемии мы видим значительный вклад субвенций в бюджетные доходы отстающего по уровню доходов Северо-Кавказского федерального округа (особенно Чечни, Кабардино-Балкарии и Дагестана) и наименьший – в доходы более развитых Центрального, Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного округов.

Совершенно иное положение дел складывается с дотациями. Если в 2020 г. они обеспечивали небольшой прирост доходов территориальных бюджетов во всех федеральных округах (см. рис. 6), то к середине 2021 г. остались только ПФО с небольшим положительным вкладом дотаций (+0,9%) и ДФО – с нулевым, в остальных округах их вклад стал отрицательным. Необходимо отметить, что среди данного типа трансфертов наибольший удельный вес принадлежит дотациям на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов, которые распределяются по утвержденной методике. Вклад этого типа дотаций в прирост бюджетных поступлений (сверх непандемического тренда) к середине 2021 г. оказался отрицательным во всех федеральных округах и в 66 из 86 субъектов РФ. В масштабах страны дотации на выравнивание привели к 0,2% потерь доходов территориальных бюджетов к концу 2020 г. и 0,8% – к середине 2021 г. Среди регионов с заметным положительным вкладом дотаций на выравнивание в прирост доходов территориальных бюджетов (более 1%) следует отметить лишь республики Крым и Тыву, а также Еврейскую автономную область. Существенное уменьшение доли дотаций на выравнивание в структуре безвозмездной помощи свидетельствует о тревожной тенденции сокращения нецелевых трансфертов, которые, с одной стороны, выделяются по единым заранее установленным правилам, а с другой стороны, предполагают некий маневр регионов в управлении бюджетными расходами (учет региональных предпочтений).

Что касается дотаций территориальным бюджетам на поддержку мер по обеспечению их сбалансированности, их доля в общей помощи невелика, распределяются они между регионами крайне неравномерно. Их рост только за 2020 г. составил почти 6 раз. При этом

в период пандемии увеличилось количество точечных дотаций на сбалансированность, выделяемых внепланово отдельным субъектам РФ (Чеченской Республике, Саратовской области, Красноярскому краю, Республике Крым, г. Севастополю).

Отдельно следует указать появление в 2020 г. четырех целевых дотаций регионам из федерального бюджета объемом 93 млрд руб., связанных с особыми условиями коронавирусной инфекции: на обеспечение сбалансированности бюджетов, финансирование дополнительных медицинских расходов, поддержку занятости и сохранение оплаты труда. В том же году были введены две целевые дотации объемом 14 млрд руб. на мероприятия, связанные с обеспечением безопасности и дополнительными выплатами членам избирательных комиссий в период голосования по Конституции Российской Федерации. Но удельный вес этих шести целевых дотаций в межбюджетной помощи составил лишь 2,8%.

Таким образом, проведенный анализ показал существенные изменения в структуре и пространственном распределении доходов территориальных бюджетов. Насколько устойчивыми являются новые тенденции, покажет время. Их долгосрочную эффективность (особенно в части распределения межбюджетной помощи) также предстоит оценить в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе представлен анализ динамики бюджетных доходов регионов РФ в период пандемии. На основе ретроспективных данных по 86 российским регионам построены непандемические прогнозы доходов территориальных бюджетов и их составляющих в апреле 2020 г. – июне 2021 г. Расчет относительных отклонений фактических поступлений от прогнозных значений позволил оценить вклад пандемии в изменение доходов территориальных бюджетов и провести его полную декомпозицию по источникам. Исследование показало существенное влияние как отраслевой структуры экономики, так и изменения в институтах фискальной системы на пространственные эффекты пандемии.

Во-первых, пандемия по-разному повлияла на налоговые доходы российских регионов. В первую очередь пострадали регионы нефте- и газодобычи, а также те, у которых в налоговых доходах большой удельный вес принадлежал налогу на прибыль. Из-за введения льгот по налогу на имущество недосчитались налоговых поступлений регионы с фондоемкими отраслями, в которых эти льготы были применены. Между тем увеличение помощи федерального центра регионам и расходов поддерживающего характера в условиях распространения коронавирусной инфекции вызвало вторичные эффекты, которые проявились прежде всего в повышении заработной платы в бюджетном секторе и в росте поступлений НДС. Таким образом, на уровне субъектов Федерации НДС играл определенную компенсирующую роль в условиях пандемии.

Во-вторых, неналоговые доходы в условиях пандемии вели себя схожим образом с налоговыми доходами, и наблюдались существенные потери в доходах от использования государственного имущества и от продажи материальных и нематериальных активов. Как и в случае с налоговыми доходами, эффекты сильно различались в пространстве страны.

В-третьих, в условиях значительного уменьшения собственных доходов регионов федеральный центр значительно увеличил межбюджетную помощь, которая была призвана компенсировать выпадающие налоговые доходы и обеспечить финансирование растущих расходов социального характера. Увеличение межбюджетных трансфертов в период пандемии оказалось беспрецедентным. Распределение части помощи производилось на основе единых подушевых выплат, что способствовало межбюджетному выравниванию. В результате помощь оказалась наиболее существенной для наименее развитых регионов юга и наименее существенной для более развитых регионов, в том числе для центров нефтедобычи, которые в наибольшей степени пострадали от кризиса. Такая помощь не соответствовала реальному положению дел в регионах, между тем она способствовала сокращению межрегиональных различий и была оправдана тем обстоятельством, что богатые регионы обладают запасом прочности,

тогда как бедные обычно в большей степени уязвимы к кризисным явлениям в экономике.

В-четвертых, рост межбюджетной помощи происходил крайне неравномерно по ее видам. Прежде всего, отмечается существенный рост субсидий, выделяемых на условиях софинансирования инвестиционных проектов, и иной межбюджетной помощи, в которой также велика роль субсидий инвестиционного характера с менее жесткими условиями (возможно, даже с нулевым софинансированием со стороны регионов). Это свидетельствует о значительном увеличении государственных инвестиций в создание общественных благ в условиях пандемии, в чем прослеживается кейнсианская модель управления экономикой.

В-пятых, уменьшение доли дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, распределяемых по строгим и единым для всех регионов правилам, также свидетельствует о сокращении формальных взаимоотношений с центром, об отклонении от принципов бюджетного федерализма и об увеличении «ручного управления» регионами со стороны центра.

Наконец, логика распределения помощи вписывается не только в определенные представления о влиянии кризисов на богатые и бедные регионы, но и в новую идеологию борьбы с бедностью, а также в политические предпочтения российских властей.

Полученные результаты и сделанные на их основе выводы применимы как для оценки устойчивости региональных экономик к шокам разной природы, так и для управления межбюджетными отношениями в периоды кризисов. Дальнейшее развитие исследования видится в разработке и реализации подходов к оценке эффективности межбюджетной помощи в период пандемии, в разграничении первичных и вторичных эффектов трансфертов, а также в установлении связи доходов и расходов территориальных бюджетов в условиях пандемии и влияния мер фискальной политики на бюджетные дисбалансы российских регионов.

*Исследование выполнено в рамках базовой части
государственного задания Министерства образования и науки РФ,
проект № 0729-2020-0056*

Список источников

1. Зайцев Ю.К. Меры денежно-кредитной и фискальной политики в период экономического кризиса COVID-19 в России // *Финансы: теория и практика*. – 2020. – Т. 24, № 6. – С. 6–18.
2. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // *Вопросы теоретической экономики*. – 2021. – № 1 (10). – С. 48–60.
3. Зубаревич Н.В. Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // *Региональные исследования*. – 2021. – № 1 (71). – С. 46–57.
4. Зубаревич Н.В. Пандемия и регионы: итоги января–августа 2020 г. // *Экономическое развитие России*. – 2020. – Т. 27, № 11. – С. 91–95.
5. Кузнецова О.В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // *Федерализм*. – 2020. – № 2. – С. 20–38.
6. Лыкова Л.Н. Региональные бюджеты в 2020 г.: устойчивость доходов в условиях кризиса // *Федерализм*. – 2020. – Т. 25, № 4 (100). – С. 200–218.
7. Мильчаков М.В. Реализация национальных проектов в регионах в условиях противодействия коронавирусной инфекции // *Финансовый журнал*. – 2020. – № 3. – С. 28–47.
8. Михеева Н.Н. Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // *Проблемы прогнозирования*. – 2021. – № 1 (184). – С. 106–118.
9. Широв А.А. Пандемический кризис экономики: механизмы развития и решения в области экономической политики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2021. – № 1 (49). – С. 209–216.
10. Юшков А.О., Алексеев М.В. Фискальное воздействие пандемии COVID-19 на регионы России: обзор федеральных мер поддержки // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2021. – № 3 (51). – С. 232–242.
11. Brada J.C., Gajewski P., Kutan A.M. Economic resiliency and recovery, lessons from the financial crisis for the COVID-19 pandemic: A regional perspective from Central and Eastern Europe // *International Review of Financial Analysis*. – 2021. – Vol. 74. – 101658. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1057521921000028?via%3Dihub> (дата обращения: 18.10.2021).
12. Darougeheh S. Dispersed consumption versus compressed output: Assessing the sectoral effects of a pandemic // *Journal of Macroeconomics*. – 2021. – 103302. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S016407042100015X> (дата обращения: 18.10.2021).
13. Gunay S., Kurtulmuş B.E. COVID-19 social distancing and the US service sector: What do we learn? // *Research in International Business and Finance*. – 2021. – Vol. 56. – 101361. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0275531920309697> (дата обращения: 18.10.2021).

14. *Hoehn-Velasco L., Silverio-Murillo A., Balmori de la Miyar J.R.* The long downturn: The impact of the great lockdown on formal employment // *Journal of Economics and Business*. – 2021. – Vol. 115. – 105983. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148619521000011?via%3Dihub> (дата обращения: 18.10.2021).

15. *Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A., Safina A.* Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19 // *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*. – 2021. – Vol. 33 (1). – P. 87–94.

16. *Kolomak E.* Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity // *R-Economy*. – 2020. – Vol. 6 (3). – P. 154–161.

17. *Pietro F.D., Lecca P., Salotti S.* Regional economic resilience in the European Union: a numerical general equilibrium analysis // *Spatial Economic Analysis*. – 2020. – Vol. 16 (3). – P. 287–312.

Информация об авторе

Малкина Марина Юрьевна (Россия, Нижний Новгород) – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и методологии. Институт экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, пер. Университетский, 7). E-mail: mmuri@yandex.ru.

DOI: 10.15372/REG20220201

Region: Economics & Sociology, 2022, No. 2 (114), p. 3–32

M.Yu. Malkina

REVENUE OF RUSSIAN SUB-FEDERAL BUDGETS UNDER THE PANDEMIC: A SPATIAL REVERSAL

The article studies consolidated budget revenues of Russia's constituent entities. The purpose of our research is to analyze how the pandemic impacts the dynamics of sub-federal budget revenues and to assess contributions from various sources (tax, non-tax revenues, gratuitous receipts, and their components) to their change.

From the data on moving annual totals for sub-federal budgets and their components with a one-month shift, we construct linear time regressions for 86 constituent entities of the Russian Federation from 2015 till March 2020. They are used to forecast non-pandemic revenues of local budgets during the pandemic (April 2020 till June 2021). By decomposing deviations of the actual revenues from the forecast ones, we determine the contribution of different sources to changes in local budget revenues amid COVID-19.

The entities of the Ural Federal District and a few other oil-producing regions showed the greatest vulnerability to the pandemic. At the same time, an abnormally high growth in budget revenues was observed in some regions of the Far Eastern Federal District. Tax revenues had the greatest negative impact on the change in sub-federal budget revenues, where income tax provided most losses. Smaller disbenefits were associated with corporate property tax and special tax regimes. Personal income tax partially compensated for their shortfall. The change in taxes on goods and services was extremely uneven. Non-tax budget revenues followed tax ones, and the use of state property and sale of assets generated the largest losses. Interbudgetary transfers compensated for both the shortfall in own revenues and the growing regional expenditures. Their distribution reveals three motives: pandemic mitigation, regulation of interregional imbalances, and political preferences. Entities of the North Caucasian Federal District and some other lagging republics received a large fraction of additional transfers. Their structure is marked by a significant increase in the share of subsidies and other interbudgetary transfers, which reflected the state's active participation in national projects and creating public goods. A decrease in the share of equalization grants implies a reduction in non-targeted aid allocated in accordance with uniform rules. This testifies to the state's ever-growing dirigiste function in the economy.

The results obtained are applicable to governing budgetary revenues in Russian regions, as well as regulating interbudgetary relations during crises.

Keywords: Russian regions; revenues of sub-federal budgets; pandemic; tax revenues; non-tax revenues; interbudgetary transfers; modeling

For citation: Malkina, M.Yu. (2022). Dokhody byudzhetrov subyektov Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh pandemii: prostranstvennyy razvorot [Revenue of Russian sub-federal budgets under the pandemic: a spatial reversal]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (114), 3–32. DOI: 10.15372/REG20220201.

*The reported study was funded by the core part of the state assignment
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation,
project No. 0729-2020-0056*

References

1. Zaytsev, Yu.K. (2020). Mery denezhno-kreditnoy i fiskalnoy politiki v period ekonomicheskogo krizisa COVID-19 v Rossii [Monetary and fiscal policy measures during the COVID-19 economic crisis in Russia]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], Vol. 24, No. 6, 6–18.
2. Zubarevich, N.V. (2021). Vliyaniye pandemii na sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye i byudzhety regionov [Influence the pandemic at socio-economic development and regional budgets]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Theoretical Economics], 1 (10), 48–60.
3. Zubarevich, N.V. (2021). Vozmozhnosti detsentralizatsii v god pandemii: chto pokazyvaet byudzhetyy analiz? [Possibility of decentralisation during the year of pandemic: what does the analysis of public budgets reveal?]. *Regionalnye issledovaniya* [Theory of Regional Studies], 1 (71), 46–57.
4. Zubarevich, N.V. (2020). Pandemiya i regiony: itogi yanvarya–avgusta 2020 g. [Pandemic and regions: January–August 2020 results]. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Russian Economic Developments], Vol. 27, No. 11, 91–95.
5. Kuznetsova, O.V. (2020). Uyazvimost struktury regionalnykh ekonomik v krizisnykh usloviyakh [Vulnerability of regional economies' structure in crisis conditions]. *Federalizm* [Federalism], 2, 20–38.
6. Lykova, L.N. (2020). Regionalnye byudzhety v 2020 g.: ustoychivost dokhodov v usloviyakh krizisa [Regional budgets in 2020: income sustainability in the crisis]. *Federalizm* [Federalism], Vol. 25, No. 4 (100), 200–218.
7. Milchakov, M.V. (2020). Realizatsiya natsionalnykh proektov v regionakh v usloviyakh protivodeystviya koronavirusnoy infektsii [Execution of national projects in regions under the conditions of countering the coronavirus pandemic]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 3, 28–47.
8. Mikheeva, N.N. (2021). Ustoychivost rossiyskikh regionov k ekonomicheskim shokam [Resilience of Russian regions to economic shocks]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 1 (184), 106–118.
9. Shirov, A.A. (2021). Pandemicheskiy krizis ekonomiki: mekhanizmy razvitiya i resheniya v oblasti ekonomicheskoy politiki [The pandemic crisis: the mechanisms of development and solutions for economic policy]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 1 (49), 209–216.
10. Yushkov, A.O. & M.V. Alekseev. (2021). Fiskalnoye vozdeystvie pandemii COVID-19 na regiony Rossii: obzor federalnykh mer podderzhki [The fiscal impact of the COVID-19 pandemic on the Russian regions: an overview of federal support]

measures]. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association], 3 (51), 232–242.

11. *Brada, J.C., P. Gajewski & A.M. Kutan.* (2021). Economic resiliency and recovery, lessons from the financial crisis for the COVID-19 pandemic: A regional perspective from Central and Eastern Europe. *International Review of Financial Analysis*, 74, 101658. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1057521921000028?via%3Dihub> (date of access: 18.10.2021).

12. *Darougheh, S.* (2021). Dispersed consumption versus compressed output: Assessing the sectoral effects of a pandemic. *Journal of Macroeconomics*, 103302. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S016407042100015X> (date of access: 18.10.2021).

13. *Gunay, S. & B.E. Kurtulmuş.* (2021). COVID-19 social distancing and the US service sector: What do we learn? *Research in International Business and Finance*, 56, 101361. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0275531920309697> (date of access: 18.10.2021).

14. *Hoehn-Velasco, L., A. Silverio-Murillo & J.R. Balmori de la Miyar.* (2021). The long downturn: The impact of the great lockdown on formal employment. *Journal of Economics and Business*, 115, 105983. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148619521000011?via%3Dihub> (date of access: 18.10.2021).

15. *Klimanov, V., S. Kazakova, A. Mikhaylova & A. Safina.* (2021). Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19. *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*, 33 (1), 87–94.

16. *Kolomak, E.* (2020). Economic effects of pandemic-related restrictions in Russia and their spatial heterogeneity. *R-Economy*, 6 (3), 154–161.

17. *Pietro, F.D., P. Lecca & S. Salotti.* (2020). Regional economic resilience in the European Union: a numerical general equilibrium analysis. *Spatial Economic Analysis*, 16 (3), 287–312.

Information about the author

Malkina, Marina Yurievna (Nizhny Novgorod, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor at the Department of Economic Theory and Methodology, Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod (7, Universitetskiy ln., Nizhny Novgorod, 603000, Russia). E-mail: mmuri@yandex.ru.

Поступила в редколлегию 26.09.2021.

После доработки 26.10.2021.

Принята к публикации 29.10.2021.